

Сергей Гармаш:

«Выходя из театра, я забываю, что я актёр»

Сергей Гармаш играет в спектаклях, кинофильмах и сериалах, которые ставят или снимают разные режиссеры, однако персонажи ему достаются в чем-то похожие. В фильме «Охота на пиранию» его герой убивает женщину, к которой испытывает, по крайней мере, нежность. В сериале «Живаго» просит казнить единственного и любимого ребенка. В спектакле «Пять вечеров» делает несчастной женщину, которую любит всем сердцем и которая любит его. Актёр с не самым позитивным «имиджем» продолжает, однако, уверенно завоевывать сердца зрителей.

Актёр Сергей ГАРМАШ родился 1 сентября 1958 года в Херсоне (Украина). После восьмого класса поступил в Днепропетровское театральное училище, где учился на артиста кукольного театра. По окончании училища работал кукольником в родном городе. После службы в армии поступил в Школу-студию МХАТ, которую окончил в 1984 году. Был принят в труппу московского театра «Современник». Первой работой в кино стала роль Урина в героической балладе Алексея Симонова «Отряд» (1984 г.). С тех пор он снялся более чем в семи десятках фильмов. Всенародную славу ему принесла роль оперативника Юрия Короткова в сериале «Каменская». Лауреат «Ники-2001» (лучшая роль второго плана) и «Золотого овна» за роль в фильме «Нежный возраст». В 2004 году удостоен премии «Золотой орел» в номинации «Лучшая мужская роль» за роль в фильме Дмитрия Месхиева «Свои». Заслуженный артист России (2005 г.).

— Ваша роль Антипова в «Докторе Живаго» — трагичный портрет сильного человека, который губит самое дорогое, что у него есть в жизни, боясь проявить слабость...

— Антипов — страшный человек. Для него идея выше любви и выше морали. Жену Калинина отправляли в лагерь, а Калинин продолжал улыбаться, стоя на мавзолее рядом со Сталиным. И таких, как Калинин, было много. Они что, были трагичные люди? Они были страшные люди.

— Ваш герой, вы думаете, хочет казни своего сына ради идеи?

— А ради чего? Безусловно, ради идеи. Он серьезный революционер, к концу фильма — член ЦК.

— Почему разные режиссеры дают вам, словно соворившись, такие роли?

— Я могу сказать, почему я согласился сыграть Антипова. Потому что там есть что играть.

Сильный характер, который может перешагнуть через жизнь собственного сына. Не просто сильный, а ужасный. Жестокий. Чудовищный. Потому что интересно играть крайности!

— Когда вы сердитесь, сразу вспоминается, как вы в «Пирание» свернули шею героине...

— Из гуманных соображений. Чтобы не мучилась женщина. Тем более что она сломала шейный позвонок. Выхода не было. Это ужасная, экстремальная ситуация.

— В чем горечь вашей профессии? О радостях вы сказали

— играть крайние состояния.

— Ну, это не все о радостях. Радость — это и тишина зала, и глаза твоих друзей, которые смотрят твой фильм, и добрые слова, и, наверное, то ощущение, когда ты чувствуешь, что у тебя получается. Радости-то много. А вот горечь... В том, что уходят роли, которые ты уже не сможешь сыграть в силу возраста. «Горечь» — это как-то высокопарно сказано. Ну не мыслю я такими категориями — «горечь»! Грустно бывает, оттого что нельзя ничего поправить в кадре. Кино — это страшная штука. Потому что мало что можно оставить после себя на экране, чтобы тебе впоследствии это нравилось. Оттого и горечь.

— Если бы вам дали бонус на жизнь, какие фильмы вы бы хотели оставить на экране?

— «Отряд». «Любовник». «Свои». Еще два-три. А у меня их больше восьмидесяти.

— А в жизни что оставили бы?

— Если бонус на жизнь, то, скорее всего, повторил бы свой первый курс в Школе-студии МХАТ. Это невероятная удача, что в жизни моей случилась Школа-студия МХАТ. Она повлияла на

мое мировоззрение, мое ощущение театра. Я застал еще великих мхатовских стариков.

— Что для вас по-человечески понятнее — бросить женщину, которая вас любит и которую любите вы, как сделал сыгранный вами Ильин в «Пяти вечерах», или, подобно вашему герою из «Любовника», отказаться от своей жизни ради любимой?

— Я обоих моих героев люблю и обоих способен понять. И по жизни, в ситуациях, которые трудноразрешимы, я пытаюсь ставить себя на место другого человека, чтобы понять его.

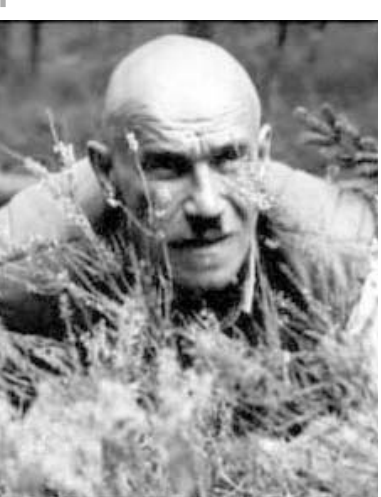
— Это и есть доминанта личности актёра — стремление понять другого?

— Доминанта — вещь достаточно сложная. Нужно быть предельно честным в оценке своих возможностей. И честным по отношению к своим персонажам.

— То есть никогда не брать больше, чем ты можешь?

— Никогда не брать не свое.

Сложность профессии заключается как раз в том, чтобы правильно понять, что твое, а что не твое. Хотя эта профессия прекрасна тем, что в ней появляются такие удивительные режиссеры,

которые могут сделать так, что не твое станет твоим. Вот это — счастье.

— Талант — это джокер или проклятье?

— Попробуйте приложить джокера к Пушкину! Талант и джокер — это разные вещи! Талант — это не пошло. Джокер — пошло. Дар Божий — вот что такое талант.

— Когда вы это почувствовали?

— Я никогда еще этого не чувствовал. Я не считаю себя талантливым. Считаю себя учеником. А как только я произнесу что-то о своем таланте, мне с профессией надо будет завязывать.

— То есть убежденность в собственной избранности в вашем деле чревата?

— Убежденность в собственной избранности — это диагноз. Я предпочитаю находиться в пути. И дай Бог, чтобы он был долгим.

— Но вы считаете себя хорошим актёром?

— Это не мое дело — считать себя или не считать. Для этого есть «критики и щелкоперы», как Гоголь говорил. Не надо себя считать. Надо дело делать.

— Вы смогли бы найти в себе силы быть счастливым, если бы вас лишили возможности играть?

— Вы смогли бы быть счастливым, если бы вас лишили одной ноги? Ну какое тут счастье? Иное дело, смог бы я прожить, если бы жизненные обстоятельства меня заставили какое-то время не работать? Почему бы не смог? Человек должен уметь вынести все. Человек рожден для того, чтобы пережить любое счастье и любое горе. Человек для этого появляется на свет. Чтобы пережить.

— Получается, актёры — самые счастливые люди. Они переживают все.

— Нет. Мы переживаем это на сцене. А выходя из театра, я забываю, что я актёр.

— А кем же вы себя ощущаете?

— Человеком! И я не хочу, чтобы окружающие воспринимали меня как артиста. Профессия должна заканчиваться с окончанием рабочего дня. Поэтому, когда я выхожу со служебного входа театра, я хочу быть просто Сергеем Гармашом, и мне крайне приятно, когда со мной общаются на какие-то иные, далекие от профессии темы. Нужно очень четко отделить жизнь от профессии. И не нужно строить иллюзий, что артист, который сыграл много разных ролей, многое понимает в этой жизни. Он, может, многое увидел, запомнил, подсмотрел. И удачно сыграл подсмотренное.

— А вы не боитесь тратить себя на жизнь? Реальной боли, страданий, растоптанных надежд? Зачем они вам, когда есть сцена, на которой можно просто в них поиграть?

— Кто вам сказал, что я стремлюсь к боли и страданиям? Я пытаюсь быть счастливым. Но это не значит, что я бегу от настоящей жизни. Я достаточно рано уехал из дома — мне было 15 лет. Потом я учился в чужом городе. Потом работал в театре. Потом служил в армии. Это были совершенно разные коллективы. И все это складывалось в копилку жизненных ощущений, которая мне пригодилась.

— Но ведь многие люди искусства стремятся жить в колыбельке придуманного или уютного мира...

— Ну, вот смотрите: у меня на Украине есть мама с папой. Я должен о них заботиться. У меня есть дочь, которую нужно воспитывать. У меня есть родители жены, которым тоже надо помогать. Я строю загородный дом, в котором хочу отдыхать. Это все — проблемы. Я же от них не бегу! Я от них не ограждаюсь. Почему они должны меня пугать? Нормальная жизнь, так живут все люди.

По материалам
информгентств.